

Цзян Цзинсин, понимая осторожность Дома Чжоу и их страх перед ударом меча, который убил императора Чжоу восемнадцать лет назад, вошёл в Хаоцзин под именем слуги семьи Се, Гао Шаня.

Святой намеренно скрывал свою личность, и Цзян Чанлань не смел упоминать об этом перед императрицей Цзян.

Когда императрица Цзян была императрицей, она жила в Чертоге Пэнлай. Когда Цзи Хуан взошёл на престол, она была провозглашена Святой Императрицей, но не пожелала переезжать, продолжая жить в Чертоге Пэнлай как ни в чём не бывало.

Многочисленные нефритовые ступени и сложные кронштейны украшали Чертог Пэнлай, делая его величественным и роскошным. Даже отражение солнечного света на глазурованной черепице излучало холодное величие. Цзян Чанлань тихо сказал Се Жунцзяо:

— Мне не очень нравится это место во дворце, но раз тётя живёт здесь, мне приходится часто бывать тут.

Императрица Цзян выглядела на тридцать лет, была женщиной с длинными бровями и тонкими глазами, мягкой и изящной, не проявляя ни малейшего намёка на то, что говорили о ней чиновники: «Она соблазняет правителя своей красотой и полна амбиций».

Она сидела на кушетке, подняла глаза и, увидев Се Жунцзяо, сначала похвалила:

— У наследника прекрасная внешность.

Независимо от того, сколько вражды или дружелюбия было в её сегодняшней встрече с Се Жунцзяо, эти слова были искренними.

Се Жунцзяо был действительно красив, и в роскошной одежде он затмевал все драгоценности и украшения в зале, наполняя его сиянием.

Затем она поддержала Се Жунцзяо, который хотел поклониться, и улыбнулась:

— Я специально не издавала указ, чтобы пригласить тебя просто поболтать, не нужно соблюдать формальности, поклон тоже не обязателен.

Императрица Цзян говорила с теплотой, вела себя необычайно просто, опуская все формальные обращения, как обычная старшая родственница, встречающая младшего.

Се Жунцзяо сел на кушетку и спокойно сказал:

— Благодарю Святую Императрицу за заботу.

Императрица Цзян с удовольствием приняла эти слова и, указывая на Цзян Чанланя, который без церемоний пил напиток из черной сливы, с лёгким упрёком сказала:

— Вот кто ведёт себя неподобающе! Посмотри на наследника семьи Се, как он держится, это и есть строгое воспитание семьи Се. Ты же только позоришь меня и семью Цзян.

Цзян Чанлань привык к упрёкам императрицы Цзян. У неё не было своих детей, и она относилась к нему как к родному сыну. Цзян Чанлань, не смущаясь, сказал:

— Тогда, тётя, отпусти меня на северную границу? Там я не буду позорить тебя, а может, даже

добьюсь военных заслуг, и твоя любовь ко мне не будет напрасной.

Императрица Цзян рассмеялась:

— Я боюсь, что твоё лицо, А-Лань, будет позором и на северной границе, и это станет большим развлечением.

Цзян Чанлань смущённо замолчал, а императрица Цзян продолжила:

— Кстати, А-Лань упомянул северную границу, и это связано с тем, почему я сегодня позвала наследника.

Се Жунцзяо сказал:

— Ваше Величество, говорите.

Цзи Хуан провозгласил её Святой Императрицей, и все церемонии были такими же, как у императора, и обращались к ней с титулом, который использовался только для императора, «Ваше Величество», а не обычный титул для императриц и вдовствующих императриц, «Ваше Высочество».

Императрица Цзян слегка поправила рукав, на котором не было ни одной складки, и улыбнулась:

— Недавно глава семьи Се из Фэнлина назначил свою старшую дочь наследницей семьи Се. Южный регион и Северная Чжоу не связаны между собой, и я не должна вмешиваться в дела семьи Се. Но раз семья Се возглавляет Южный регион, мне приходится вмешаться.

Ещё в городе Фэнлин Се Жунцзяо задумался о том, чтобы попросить Се Хуаня сменить наследника, но потом его увезли на северную границу, и он смог сообщить об этом Се Жунхуа и Се Хуаню только после смерти главы племён.

Смена наследника в семье Се была важным событием, и хотя решение ещё не было окончательным, оно вызвало бурю обсуждений в Девяти Областях.

Се Жунцзяо ожидал этого вопроса от императрицы Цзян и медленно ответил:

— Честно говоря, Ваше Величество, это я сам попросил отца сменить наследника, и это было сделано с учётом интересов Южного региона.

Императрица Цзян молча ждала продолжения.

Этот аргумент он сначала использовал с Се Жунхуа, а затем в письме убедил Се Хуаня, так что он уже хорошо его отработал.

— Ваше Величество должно знать, что наследование семейного имущества всегда следует двум принципам. Первый — это следование древним традициям, когда наследником становится старший сын. Второй — это мнение, что мы, практикующие, должны судить по уровню мастерства.

Моя сестра и я — родные брат и сестра, оба законные наследники. По возрасту сестра старше меня, по способностям она достигла великих военных заслуг, намного превосходящих мои. Кроме того, у неё выдающийся талант, и она имеет шансы достичь Святого этапа. По всем критериям — законности, старшинства и способностей — она должна стать наследницей

Фэнлина.

Императрица Цзян с интересом слушала и, хлопнув в ладоши, улыбнулась:

— Наследник понимает это лучше, чем большинство. Но обычно семейное имущество передают мужчинам, а не женщинам, и Фэнлин — не обычная знать. Так легко отказаться от наследства — это действительно вызывает восхищение.

— Не вызывает восхищения.

Се Жунцзяо не обладал тщеславием, свойственным его возрасту, и не чувствовал, насколько почетно было получить похвалу от Святой Императрицы. Он оставался холодным и спокойным.

— Я хочу поступать по совести, и это то, что я должен сделать.

Се Жунхуа, даже сняв роскошные одежды и украшения южной принцессы, оставалась Се Гуйюань, способной на смелые поступки.

Поэтому она не придавала значения наследию Фэнлина и готова была уступить его из любви к Се Жунцзяо.

Но это не касалось Се Жунцзяо.

Он знал, что Се Жунхуа любила его, и он тоже любил её.

Как он мог, пользуясь её привязанностью к семейным узам, бесстыдно отнять то, что ей принадлежало по праву?

Се Жунхуа не придавала этому значения, но Се Жунцзяо придавал.

После того как буря утихла и всё начало восстанавливаться, императрица Цзян, занятая множеством дел, поговорила с Се Жунцзяо и, получив нужные ей ответы, попросила свою фрейлину проводить его.

Что касается Цзян Чанланя, который пришёл с ним, — у неё, вероятно, было много слов, чтобы обрушить их на него, когда он вернётся, и посмотреть, осмелится ли этот несчастный ребёнок снова сбежать на северную границу.

У входа в Чертог Пэнлай стоял молодой человек.

Его личность была очевидна.

Будучи самым высокопоставленным человеком в Северной Чжоу, Цзи Хуан не придавал значения церемониям, и с ним был только один почтительно стоящий евнух, чья сила была скрыта, но те, кто достиг определённого уровня мастерства, могли почувствовать её.

Цзи Хуан сначала улыбнулся Се Жунцзяо:

— Мы встретились на Северной охоте, но не ожидал, что увидимся так скоро. Тогда я не успел поблагодарить старшего, который был с тобой.

Се Жунцзяо остановился.

Он не намеренно игнорировал Цзи Хуан, просто он действительно не узнал его.

— Ваше Величество, не нужно благодарить меня или старшего, который был со мной. — Се Жунцзяо подумал и, чувствуя, что ему нечего сказать Цзи Хуану, поправил его:

— Старший, который был со мной, выполнял чужое поручение. Если вы действительно хотите выразить благодарность, лучше поблагодарите главу Врат Меча.

Сказав это, он ушёл.

Цзи Хуан слегка замер с улыбкой на лице, но так и не вошёл в Чертог Пэнлай.

Он мог представить, что императрица Цзян в Чертоге Пэнлай сейчас искренне радуется и слегка сердится на Цзян Чанланы.

Он посмотрел через крыши на небо и тихо вздохнул:

— Как же я им завидую.

Как же я завидую таким избранным, как Се Жунцзяо и Цзян Чанлань, у которых есть хорошая семья и хороший учитель, Святой, которые могут не обращать внимания на меня, императора Северной Чжоу.

Разве мне, императору Северной Чжоу, когда-либо было легче, чем им?

Цзян Цзинсин, выполнявший чужое поручение, слушал пипу в Башне Чэньсян.

Он и Се Жунцзяо вчера не увидели Цуйцяо в Павильоне Линьсянь, но, будучи знакомым с ней, он всё же думал о ней. Сегодня, гуляя по улицам Хаоцзина, он внезапно подумал, что, кроме Хунсю, никто не знает о местонахождении Цуйцяо лучше, и решил зайти в Башню Чэньсян для беседы.

Он полузакрыв глаза, слушая мелодию, и внезапно сказал:

— Звук пипы, кажется, отличается от прежнего.

Хунсю тихо ответила:

— Не обманешь уши Цзян-лана. После того как Цуйцяо ушла, я, разозлившись, сказала, что без этой дуры мне незачем играть на пипе, и выбросила старую. Потом, чтобы скоротать время, нашла другую, которая мне понравилась, и играю для себя. И хорошо, что так, иначе Цзян-лан не смог бы послушать.

Теперь стало понятно, почему вчера они не нашли Цуйцяо — она уже ушла домой.

Цзян Цзинсин понял и, чувствуя некоторую неловкость из-за их скрытых чувств, сказал:

— Если тебе жаль Цуйцяо и ты хочешь, чтобы она осталась, просто скажи ей, и она, возможно, согласится.

Хунсю опустила брови и вздохнула:

— Цуйцяо не такая, как я. У меня нет родных, и я считаю это место своим домом. У неё же есть воспоминания о родном доме, и если это хорошее место, зачем мне её останавливать? Да и кто сказал, что я хочу, чтобы она осталась?

В конце её брови нахмурились, и в глазах появился упрёк. Если бы перед ней был не Цзян Цзинсин, она бы, вероятно, уже швырнула в него горячим чаем.

<http://bllate.org/book/16198/1453776>